

к 90-летию со дня рождения Владимира Маяковского

С НЕЖНОСТЬЮ И ЛЮБОВЬЮ

Знакомство с В. В. Маяковским у И. Ильфа и Е. Петрова состоялось задолго до их встречи. В начале 20-х годов в Одессе существовал молодежный «Коллектив поэтов». На его собраниях нередко читались и стихи В. Маяковского: поэт резолюции, поэт новой, советской действительности владел умами и чувствами молодых авторов. Одним из членов «Коллектива поэтов», увлеченных Маяковским, был Илья Ильф. Близко знавший его еще с одесских времен писатель Лев Славин вспоминал: «Первую юношескую влюбленность в Маяковского Ильф пронес через всю жизнь».

Тогда же в Одессе от своего старшего брата Валентина Катаева, тоже входившего в «Коллектив поэтов», впервые услышал о стихах Маяковского и вчерашний гимназист Евгений Катаев, впоследствии ставший знаменитым Евгением Петровым.

Позже, уже в Москве, В. Маяковский встретился с будущими авторами «Двенадцати стульев». Заведовавший литературной частью журнала «Красный перец» В. Катаев почти одновременно пригласил к работе В. Маяковского в качестве автора и Е. Петрова в качестве секретаря. А один из ветеранов московской газеты «Гудок» вспоминал, как заразительно смеялся Маяковский над необычным произведением И. Ильфа — шутилой редакционной стенгазетой, которую Ильф создавал, монтируя вырезки фотографий и текстов из разных газет, не добавляя ничего от себя. Остроумная работа Ильфа настолько нравилась Маяков-

скому, что он попросил подыскать подобную «монтажную» подпись к фотографии из своего фильма «Барышня и хулиган».

Листая написанное И. Ильфом, Е. Петровым и В. Маяковским, можно найти очень много общего в фельетонах и выросших из них романах Ильфа и Петрова и в сатирических стихах и выросших из них пьесах Маяковского, в беспощадной их борьбе с пошлостью, чванством, глупостью, бюрократизмом, головоунытием, в авторской интонации, соединяющей в себе гневную сатиру, великодушный юмор и глубокий лиризм.

За два с половиною месяца до своей гибели в дни Великой Отечественной войны Е. Петров писал: «Ильф очень любил Маяковского. Его все восхищало в нем. И талант, и рост, и голос, и виртуозное владение словом, а больше всего литературная честность». Маяковский же, по словам В. Катаева, «высоко ценил газетную работу Ильфа, всегда хвалил ее и о самом Ильфе неизменно говорил с нежностью и любовью».

Писатели-сатирики не раз обращались в своих произведениях к любимому поэту. Тач, вышучивая в одном из фельетонов всеобщее увлечение диспутами в конце 20-х годов, И. Ильф в нарисованной им юмористической картине дружелюбно выделял постоянного победителя в полемических схватках «поэта Владимира Маяковского». Когда же речь заходила не о шаржированно обобщенном, а о конкретном диспуте на тему «Нужна ли нам советская сатира?», который состоялся в январе 1920

года, то в фельетоне-репортаже, написанном И. Ильфом и Е. Петровым под их общим псевдонимом «Дон Бузилье», рядом возникали выступившие в поддержку сатиры с общих творческих позиций Владимир Маяковский и Евгений Петров.

Прекрасно зная пеструю тучу на таких диспутах, зная околорепортёрных «деятели», престижно не пропускающих ни одного поэтического вечера, Ильф и Петров в романе «Двенадцать стульев» рассказали о редакционном завсегдатае многих газет Никифоре Ляписе. Автор нескончаемых стихов о многоликом Газриле с явным стремлением покрасоваться мимоходом сообщал, что он бывает на диспутах Маяковского. И настолько был узнаваем образ, созданный в сатирическом романе, что о нем упомянул Маяковский как об одном из сочинителей «литературной беллиберды» в выступлении на собрании Федерации объединений советских писателей в декабре 1928 года. Назвав сам роман «замечательным», Маяковский сравнил сочинительство подобных «поэтов» с «классическим Гаврилом», который то порубал бамбуки, то испекал булочки...

Перекличка сатирических тем и образов в творчестве Маяковского и Ильфа-Петрова звучала постоянно. Например, образы кипучих приспосабливцев в романе «Золотой теленок» Бомзе и Скумбриевича несомненно родственны Бельведонскому и Оптимистичко из «Бани». Полыхаев, руководитель бюрократического «Геркулеса», — написанный в другой манере и другими красками портрет того же социального типа, который изобра-

жен в «главначпусе», Победоносикове из «Бани». Владыщие в транс при виде заграничного тряпья Эллочка Щукина из «Двенадцати стульев» и Присыпкин из «Клопа» — если не родные, то двоюродные брат и сестра. Этот список можно было бы продолжить. Конечно, речь идет не о заимствованиях и, пожалуй, даже не о влияниях, речь идет об общности сатирических целей, о единстве гражданских позиций писателей-патриотов. Эта общность находилась, в частности, свое выражение и в замысле комедии «Миллиардеры», которую Маяковский собирался написать и о которой он упоминал в январе 1929 года. Эта комедия должна была быть посвящена «теме денег и похождениям человека, получившего колоссальное, не нужное ему наследство в СССР...» Надо ли говорить, насколько это близко к основной, генеральной теме «Золотого теленка», впоследствии сформулированной Е. Петровым в набросках книги об И. Ильфе как «идее денег, не имеющих моральной ценности».

«Попробуйте перечитать его прозу, — сказал Ильф о Маяковском, — здесь все отлично». И это преклонение Ильфа перед великим поэтом, Петров передал в воспоминаниях как свое собственное. Так оно и было. «Такой поэт бывает раз в столетие», — эти слова, написанные Ильфом и Петровым о Маяковском, навсегда останутся выражением той большой дружеской любви, в которую выросла влюбленность, зародившаяся в годы их одесской молодости.

Г. ОСТРОВСКИЙ.